

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО

ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ИВАНОВ

доктор социологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: dvi1967@gmail.com

КСЕНИЯ ПАВЛОВНА ГУЛЬКИНА

магистр социологии,
младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: c0067@yandex.ru

Критическая теория в мире алгоритмической рациональности

УДК: 316.3

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-3-150-175

Представлена концепция разработки критической теории применительно к условиям современного общества, переживающего процессы постглобализации и поствиртуализации. Для раскрытия противоречий современности и направленности социальных изменений предлагается развивать интегральную критическую теорию общества как продолжение диалектической линии в эволюции неомарксизма Франкфуртской школы. Тотальность структур господства и новых форм социального контроля в постиндустриальном обществе анализируется на основе понятия алгоритмической рациональности, сменяющей технологическую рациональность позднеиндустриальной эпохи. Дан критический анализ цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта, воплощающих алгоритмическую рациональность

© Иванов Д.В., Гулькина К.П., 2026

как логику господства и вызывающих отчуждение человеческой субъективности и субъектности. В качестве потенциала эмансипации, ухода из-под контроля алгоритмической рациональности представлены тенденции и микродвижения в повседневности, образующие бунт аутентичности против виртуальности и искусственности социальной жизни.

Ключевые слова: критическая теория, цифровизация, искусственный интеллект, алгоритмическая рациональность, отчуждение, аутентичность.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00261.

Введение: время для пересборки критической теории

Одним из самых влиятельных, наряду с позитивизмом, историческим материализмом и феноменологией, теоретических направлений в социологии в середине прошлого века стала критическая теория. Влияние это обеспечила необычная концептуальная интеграция. Марксистская критика капитализма была объединена с кантианской критикой притязаний разума, фрейдистской критикой культуры и постгегельянской негативной диалектикой. Главные теоретики Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Г. Маркузе в двуедином манифесте «Традиционная и критическая теория» / «Философия и критическая теория» [Horkheimer, 1937; Marcuse, 1937] позиционировали свою теорию как альтернативу и социологическому прагматизму, и философскому идеализму. Хоркхаймер и Маркузе противопоставили: 1) традиционной теории критическую теорию как перманентную рефлексию трансцендентального субъекта — общества в его развитии; 2) дедуктивным и индуктивным теоретическим построениям — негативную диалектику общества как тотальности господства и одновременно как сферы человеческой свободы; 3) фактичности, фиксирующей отношения господства и традиционно выдаваемой за единственно возможную объективную реальность, — утопию эмансипации, эмпирически выводимую из отрицающих существующее положение дел тенденций.

Исходный проект очень по-разному воплотился в классических работах Франкфуртской школы «Разум и революция» [Marcuse, 1941], «Диалектика Просвещения» [Adorno, Horkheimer, 1947], «Авторитарная личность» [Adorno et al., 1950], «Одномерный человек» [Marcuse, 1964]. На протяжении восьми десятилетий версии критики современного общества как системы господства множились и расходились концептуально с первоначальным проектом и между собой [Немецкая социология, 2003]. Образ субъекта эмансипации утрачивал в этих версиях классовую определенность и историческую масштабность, становился все более размытым.

В XXI в. критическая теория предстает полностью фрагментированной. Нео-марксистские начала теории можно найти теперь только в многотомных собраниях сочинений классиков — Хоркхаймера, Маркузе, Адорно, издание и комментирование которых продолжалось вплоть до начала нового века и составило смысл жизни преданных последователей из числа второго и третьего поколений Франкфуртской школы. Своеобразные ответвления теории можно видеть в постмарксистских

концепциях коммуникативного действия (Ю. Хабермас) и борьбы за признание (А. Хоннет), релятивизировавших идеи Маркса и отошедших от Франкфуртской традиции конфронтации с социологическим мейнстримом и тотального негативизма в отношении современного общества [Habermas, 1981; Honneth, 1995]. Альтернативный франкфуртскому подход к развитию критической теории можно обнаружить во французском постструктурализме М. Фуко и Ж. Бодрийяра, вскрывших в дискурсивных практиках формирование модернистской структуры «власти-знания» и постмодернистской «политэкономии знака» [Foucault, 1976; Baudrillard, 1972]. Соединение постструктурализма с неомарксизмом привело к появлению критического постмодернизма Д. Келлнера и С. Беста [Best, Kellner, 1997]. Применение смешанных в различных пропорциях постструктурализма и неомарксизма к анализу специфических аспектов господства — гендера и этничности — дало толчок развитию феминистской критической теории [Fraser, 1989; Butler, 1990] и критической расовой теории [Delgado, Stefancic, 2001]. Новейшим направлением развития критической теории становится применение неомарксистской критики технологий и постмарксистской коммуникативной утопии в анализе процессов цифровизации [Fuchs, 2016; Hassan, 2020].

Многочисленные версии критической теории открывают все новые формы господства и разнообразные ущемленные группы. Однако за множественностью разнообразных и разноречивых манифестаций эмансипационного интереса [Habermas, 1968] кроется противостояние общей логике господства. В середине прошлого века основоположники критической теории интегрировали в свой анализ современности веберовскую концепцию рационализации и обозначили общую логику господства как инструментальный разум [Adorno, Horkheimer, 1947] или технологическую рациональность [Marcuse, 1964]. В неомарксистской критической теории концепция диалектики рациональности заменила первоначальную марксистскую диалектику производительных сил и производственных отношений в ее роли основы общественного устройства и фундаментального драйвера развития общества. Поэтому в современных условиях реинтеграция критической теории возможна, если вернуть теорию к изначальной рефлексии «трансцендентального субъекта» и переопределить его применительно к постиндустриальному капитализму как рациональность нового типа. Это главный предмет для новой интегральной критической теории, которая должна стать теорией, открывающей сущностный сдвиг к новому типу рациональности за фактичностью социальных изменений, концептуализированных в конце прошлого века как глобализация и виртуализация [Castells, 1996]. От диалектики просвещения, актуальной в момент становления индустриального общества, нужно перейти к диалектике современности, определяемой развитием глобальных и виртуальных структур и их превращением сейчас в собственное отрицание — постглобализацию и поствиртуализацию.

Мир новой социальности и нового отчуждения: диалектика (пост)современности

Социальные изменения рубежа XX–XXI вв. — глобализация и виртуализация — начинались как взламывание старых социальных барьеров и открытие новых сфер свободной деятельности, а завершились созданием социальных структур, ставших

сверхновыми формами социального контроля. Глобализация — это распространение транснациональных сетевых и потоковых структур, наивно воспринятое в конце прошлого века как становление «всемирного общества». Глобализация как интенсивное перемещение вещей, людей, идей, создающее структуры сквозь территориальные и нормативные границы национальных институтов и локальных порядков интеракций, повышает связность и сложность социальной жизни [Appadurai, 1990; Robertson, 1992; Castells, 1996]. Однако это не создает целостную систему, а альтернативные привычным институтам и интеракциям сетевые и потоковые структуры в виде транснациональных корпораций, международных организаций, мультикультуральных сообществ и интернет-сообществ, создавая новые связи, провоцируют и новые неравенства, разрывы и конфликты в экономике, политике, культуре.

Те же изменения, но без акцента на транснациональном характере процессов предстают как тенденции виртуализации, наивно отождествляемые с развитием «информационного общества». Виртуализация — это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем те реальные действия в среде материальных объектов, на которые люди были ориентированы господствовавшими в обществе со времен модернизации институтами и интеракциями. Как результат, социальная жизнь с конца XX в. оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, интенсивными коммуникациями через традиционные и через новые цифровые медиа [Castells, 1996; Bühl, 1997]. Виртуализация общества привела к превращению сетевых и потоковых структур из маргинальных в доминирующие социальные структуры. Эти структуры в новую эпоху стали привлекательной альтернативой институтам и интеракциям, в основе которых лежит информация как кодифицированное знание, рациональная интерпретация, реальный опыт. В виртуальных пространствах, формируемых сетями и потоками, информация смешивается с яркими образами, эмоциональными реакциями, сконструированными идентичностями и утрачивает свою определяющую роль. Так же и определение эпохи как информационной и общества как информационного теряет свою силу, если существование людей видится полностью погруженным в «виртуальную имиджевую среду» [Castells, 1996, p. 373].

Концептуализируемые по-разному, с фокусировкой на разных тенденциях, глобализация и виртуализация как процессы социальных изменений структурно одинаковы: развитие сетей и потоков в противовес институтам и интеракциям. Глобализация предстает как развитие транснациональных сетей и потоков (как физических, так и символических), создающих новую социальность вопреки институтам и интеракциям, традиционно локализуя социальную жизнь в организациях и сообществах. Виртуализация же оказывается развитием коммуникационных сетей (как транснациональных, так и всего лишь транслокальных) и потоков (больше символических), создающих новую социальность вопреки институтам и интеракциям, традиционно овеществляющим практики и отношения.

Однако освобождение в новой социальности сетей и потоков от нормативности и контроля, обеспечиваемых старыми институтами и порядками интеракций в режиме «лицом к лицу», привело к появлению сверхновых форм социального контроля. Индивидуальность, раскрепощенность и уход в отрыв от институциональной и групповой рутины — это теперь поведенческие паттерны, задаваемые брендами

и трендами, которые формируются сетевыми и потоковыми структурами транснациональных корпораций и новых медиа. Свобода передвижения и право на самобытность и инклюзию в мультикультуральных сообществах — это теперь режимы репрессивной толерантности и позитивной дискриминации, продвигаемые международными организациями и движениями и поддерживаемые либеральными правительствами и корпоративным менеджментом. Свободная коммуникация и доступ к информации — это теперь стандартизованные алгоритмы функционирования цифровых платформ, аккумулирующих большие данные и на их основе фреймирующих активность пользователей. Таким образом социальные изменения рубежа XX–XXI вв. воплотились в структурах, которые разнонаправленные эмансипационные движения второй половины прошлого века — новые левые, неолибералы, техно-либертарианцы и т. п. — противопоставляли институтам и привычным сообществам. Но сетевые и потоковые структуры оказались, вопреки ожиданиям идеологов и активистов эмансипационных движений, лишь формами комфортабельной несвободы.

Диалектическое превращение процессов социальных изменений в свою противоположность к середине нового столетия воплотилось в трендах постглобализации и поствиртуализации.

Постглобализация — это серия процессов, ведущих к локализации глобальности в суперурбанизированных анклавах и к возникновению новых барьеров для транснациональных сетей и потоков. Диалектика постглобализации отчетливо проявляется в возникновении анклавов глобальности. Глобализация начиналась в прошлом веке как движение к «всемирному обществу», к единой планетарной социальности. Но по-настоящему глобальная, то есть не связанная пространственными ограничениями, национально-государственными и этнокультурными барьерами социальность стала реальностью только в двух-трех сотнях мегаполисов, объединяемых идущими через национальные границы материальными, людскими, информационными потоками. Здесь глобальность — это реальность для людей, это их повседневный опыт транснациональной, мобильной и мультикультурной жизни. Но нарастают разрывы в уровне, качестве, стиле жизни между анклавами глобальности, образующимися в мегаполисах, и остальными территориями и сообществами. По возможностям получить доступ к социально значимым ресурсам (источникам дохода, рабочим местам, инфраструктуре, институтам и сервисам, общению, групповой поддержке) анклавы глобальности существенно превосходят даже те социальные пространства, которые непосредственно окружают мегаполисы, а условия жизни в отдаленных городах и селах, не вовлеченных в сети и потоки, настолько радикально отличаются, что делают их внеглобальными или антиглобальными социальными пространствами.

В условиях концентрации позитивных эффектов глобализации в постиндустриальных анклавах и нарастания социально-экономических и культурных разрывов между анклавами и индустриальными и аграрными территориями, где накапливаются негативные эффекты, популярными становятся политические движения и политические решения, нацеленные на ограничение влияния транснациональных сетей и на возведение барьеров на пути «чужих» и «нежелательных» потоков во имя «национального суверенитета», «национальных интересов», «национальной идентичности», «национальной безопасности». С социологической точки зрения этот поворот от неолиберализма к неотрадиционализму и национал-популизму в поли-

тике вызван стремлением защитить привычную территориальную социальность, сложившуюся на основе местных интеракций и институтов национального государства, и подавить новую детерриториальную социальность, возникающую в виде сетевых и потоковых структур.

Столкновение двух типов социальности в последние 10–15 лет находит свое выражение в создании барьеров разных типов: жесткие правила иммиграции, анти-мигрантские стены на границах, экономические санкции и высокие таможенные тарифы, блокировка доступа к интернет-ресурсам и запрет деятельности медиа-корпораций, тотальные карантинные меры и избирательные ограничения на перемещения людей, вещей, идей. Рост анклавов, разрывов, барьеров знаменует собой конец глобализации в начале XXI в. и переход к социально-экономическим, и политических процессов в фазу постглобализации, когда транснациональные сетевые и потоковые структуры сталкиваются с ростом институциональных барьеров, и столкновение глобальных структур (сетей и потоков) и локальных структур (институтов и интеракций) принимает форму экономических, политических, культурных и в конечном итоге военных конфликтов и гуманитарных кризисов разной степени интенсивности.

Поствиртуализация — это серия процессов, ведущих к перепроизводству образов и коммуникаций, к превращению использования цифровых технологий из инноваций в социальную рутину и к созданию точек доступа к реальности в условиях перенасыщения виртуальностью. Диалектический характер поствиртуализации проявляется в цифровом отчуждении. Виртуальность в прошлом веке была характеристикой нового пространства возможностей, где свободное и креативное использование цифровых технологий создает мир образов и коммуникаций, не связанных физическими ограничениями материального мира и нормативными ограничениями мира социального. Теперь виртуальность означает рутинное и вынужденное обращение к цифровым платформам, контролируемым корпорациями и государством, и массовое производство цифрового контента на основе тотальной алгоритмизации.

Когда виртуализация перестает быть экзотическими практиками технически продвинутого меньшинства и становится социальной рутинной абсолютного большинства, меняется характер неравенства. «Цифровой разрыв» 25–30 лет назад наделял имеющих возможность и умение пользоваться технологиями привилегией доступа к виртуальной реальности, образуемой сетевыми и потоковыми структурами. В XXI в. цифровизация как централизация и концентрация сетевых и потоковых структур на инфотех-платформах уравнивает всех пользователей в их отчужденном (принудительном/зависимом/манипулируемом) пребывании в состоянии виртуальности. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью становится доступ к реальности: физическое присутствие, тактильный опыт, живое общение в противовес «цифровым двойникам». Этот ценностный сдвиг проявляется в первую очередь в крупных городах, где сначала активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены все чаще создают новые публичные пространства, функция которых — быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и

практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговые» практики и «цифровые» технологии, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей цифро-физический опыт жителей постиндустриальных городов предстает как поствиртуальная социальная жизнь — жизнь в режиме обогащенной или дополненной реальности (Augmented Reality).

Тенденции постглобализации и поствиртуализации свидетельствуют об исчерпании потенциала развития общества путем замещения сетями и потоками привычных социальных структур — институтов и интеракций. В этих тенденциях выражается диалектика социальных изменений, десятилетиями продвигаемых бизнес-элитами, экспертными сообществами, правительствами. Вместо глобального общества или сетевого общества, в котором социальные структуры обеспечивают высокий уровень продуктивности, связности, солидарности «в масштабе планеты и в режиме реального времени» [Castells, 2000, p. 694], возникло разделенное общество, где нет единого социального пространства и общего социального времени. Вместо общей постсовременности возникли два разных режима социальной жизни: дополненная современность в постиндустриальных мегаполисах и истощенная современность в небольших промышленных городах и в селах.

В суперурбанизированных анклавах, которых в мире четыре сотни, а в России полтора десятка, институты индустриального общества и национального государства и интеракции в малых группах и местных сообществах уступили часть времени и места в жизни людей новым доминантным структурам — сетевым и потоковым. Но старые структуры не исчезли полностью, как ожидали теоретики постиндустриализма и постмодернизма [Lyotard, 1979; Castells, 2000]. В мегаполисах институты, интеракции, сети и потоки образуют сложную, гибридную социальную реальность, в которой социальная жизнь становится существованием интенсивным, сверхнасыщенным цифро-физическим опытом, соединяющим в одном времени и пространстве материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские практики. Интеграция и взаимопроникновение разных социальных реальностей создают здесь дополненную социальную реальность. Это реальность людей, живущих в интенсивном настоящем — дополненной современности (Augmented Modernity).

Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в мегаполисах все больше контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, в которых сети социально-экономических связей и потоки ресурсов не образуют столь же плотных структур или вовсе отсутствуют, а привычные для Модерна институты и интеракции приходят в упадок. Закрытие промышленных и торговых предприятий, образовательных и медицинских учреждений стало следствием неолиберальных реформ, демонтировавших характерную для развитого индустри-

ального общества систему институтов так называемого социального государства (welfare state). Одновременно произошло уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения в направлении крупных городов. Результатом является «истощение» социальности и возникновение нового измерения неравенства — разрыва между суперурбанизированными точками доступа к ресурсам всех видов, где шансы на благополучную жизнь явно выше, и окружающими территориями, теряющими ресурсы, в первую очередь человеческие. Разрыв в уровне, качестве и наполненности жизни между мегаполисами и остальными территориями и сообществами создает два типа социальной жизни, две разные современности: анклавы дополненной современности (Augmented Modernity) и зоны истощенной современности (Exhausted Modernity).

Диалектика социального развития последних десятилетий, проявляющаяся в разделении современности на дополненную современность и истощенную современность, вызвана стремлением создать глобальную социальность посредством сетевых и потоковых структур. Однако рост открытости и связности оборачивается усилением отчуждения. Отчуждение нарастает в зонах истощенной социальности, где деградация институциональных и интеракционных структур приводит к дефициту нормативности и солидарности. И этот дефицит старой доброй социальности не компенсируется новыми модными формами — сетевыми и потоковыми, которые здесь тоже в дефиците. Социальная жизнь замещается апатичным погружением в рутину выживания. В анклавах дополненной социальной реальности отчуждение нарастает как результат избыточной, принудительной социальности. Открытость и связность здесь оборачиваются тотальной поднадзорностью и обязанностью постоянно быть на связи. Социальная жизнь превращается в перманентное «выгорание» и имитацию активности. Отчуждение между анклавами дополненной современности и зонами истощенной современности нарастает как социокультурная и общественно-политическая разобщенность внутри стран, где стили жизни и идентичности в новых постиндустриальных «метрополиях» и на старой индустриальной и аграрной «периферии» резко расходятся. В очагах развития новых сетевых и потоковых структур население настроено более либерально и космополитично, а там, где социальность держится на старых структурах — институтах и порядках интеракций, население скорее ориентировано на консерватизм и национал-патриотизм.

Тенденции постглобализации и поствиртуализации подрывают господствовавшую в прошлые десятилетия доктрину социального развития. Изменения вызывают противоречивые эффекты, их становится невозможно направлять к достижению всеобщего благополучия, поскольку социальных структур становится больше, но социальность их неравномерна, и отчуждения также становится больше. Вместо линейного сдвига от институтов и интеракций к сетям и потокам складывается сложная конфигурация, включающая все четыре типа социальности. Девелопменталистский дискурс правящих элит в этих условиях меняется. Доктрину «глобального информационного общества» [Окинавская хартия, 2000], ставшую консенсусной для элит и сменившую в конце прошлого века доктрину модернизации, теперь сменяют национальные проекты развития «цифровой экономики» и «цифровой трансформации» государства [Указ о национальных целях развития..., 2020].

Поворот к цифровизации: вхождение в мир алгоритмической рациональности

Доминирующий дискурс социального развития сейчас — это дискурс цифровизации. Девелопменталистская повестка продвигает идею общества, в котором продуктивность, связность, вовлеченность, солидарность обеспечиваются посредством цифровых платформ. Но цифровизация, вопреки распространенному ныне наивному технократическому оптимизму, не является инновационным процессом и не может создать новое общество, потому что использование цифровых технологий уже стало социальной рутиной для подавляющего большинства жителей развитых стран. По данным Всемирного банка, пользователями интернета в 2024 г. были 71% населения планеты, а в России в 2024 г. — 94% [World Bank, 2025]. Регулярные опросы ВЦИОМ в течение 2025 г. фиксировали долю ежедневно пользующихся интернетом взрослых жителей России на уровне 76–78%, а долю вообще не пользующихся на уровне лишь 13–16% [ВЦИОМ, 2026]. По данным опросов, проведенных социологами СПбГУ среди жителей российских мегаполисов, доля ежедневно пользующихся интернетом в Москве и Санкт-Петербурге к 2022 г. вышла на уровень 90–95% [Иванов, Асочаков, 2023].

Менеджерially-бюрократический дискурс цифровизации — это дискурс господства. В ходе цифровизации не создаются принципиально новые структуры, но лишь концентрируются и масштабируются путем перевода на подконтрольные корпорациям и государству информационно-коммуникационные платформы те сетевые и потоковые структуры, которые сформировались за последние три десятилетия. Цифровизация предстает удобным для корпораций и государств дискурсивным фреймом, способствующим апроприации тех практик виртуализации социальных взаимодействий и поддержания сообществ, которые выработаны не ими, а создавались в предшествующие годы креативными пользователями компьютерных сетей.

Превращение цифровизации в дискурс господства и в тотальную политику ведет не к развитию, а к отсталости. Происходит увязание в цифровых решениях, которые выглядят односторонними, «плоскими» в многомерном мире дополненной, то есть гибридной, расширенной, реальности. Ограничивая возможности интеракций, работы и получения социальных услуг только цифровым форматом, поборники цифровизации не только провоцируют дискриминацию и нарушение базовых прав граждан, но и подрывают функционирование и развитие тех социально-экономических структур, прогрессу которых цифровизация призвана была способствовать. В бизнесе и публичной сфере сейчас актуальны решения на базе концепций омниканальной коммуникации, инклюзии путем создания цифро-физических комплексов, интегрирующих возможности дистанционного, виртуального общения и возможности неопосредованного, реального общения. Так что и в отношении создания эффективных и комфортных решений для экономики, и для повседневной жизни дискурс цифровизации и его принудительное внедрение в общественную жизнь отстают от практик продвинутых пользователей цифровых технологий и вызывают эффект отчуждения у тех, кто эти технологии осваивает и включает в свой привычный образ жизни.

В середине 2020-х гг. дискурсивные практики цифровизации обрели «второе дыхание» с распространением технологий генеративного «искусственного интеллекта» (ИИ). Цифровые платформы, предоставляющие доступ к использова-

нию нейросетевых моделей (больших языковых и диффузионных), используются для генерирования текста, изображений, речи, музыки, видео и прочего контента массами людей, преследующими свои субъективные цели. Но в результате пользователи утрачивают свою субъектность. Субъектность человека индустриальной эпохи в прошлом веке весьма точно охарактеризовал нобелевский лауреат по экономике Герберт Саймон [Simon, 1957] в концепции ограниченной рациональности (Bounded Rationality). Такая рациональность ведет к выработке не оптимальных, а удовлетворительных решений, потому что ограничен доступ к информации, ограничены способности к ее обработке, ограничено время на обработку. Передача процесса выработки решений алгоритмам нейросетевых моделей выглядит реализацией старой доброй концепции идеальной рациональности в духе идеологии эпохи Просвещения. *Большие* модели (LLM — Large Language Models), обученные на *больших* данных (Big Data), выдают решения с *большой* скоростью. В таком случае автоматизация рабочих и творческих процессов, устранение из них субъектности человека с его ограниченной рациональностью выглядит оптимальной стратегией рационализации. Однако не в дискурсе цифровизации, а в реальности во всех трех пунктах «*большое*» оказывается весьма ограниченным.

Во-первых, платформы с генеративным ИИ, несмотря на фантастически большое число параметров в моделях, выдают продукт не «сверхчеловеческого» разума, а шаблонные ответы и решения, репрезентирующие ограниченную рациональность и зауженный горизонт культурного опыта конкретных разработчиков, тестирующих, промоутеров моделей и создателей цифрового контента, погруженных в собственную социальную рутину. Отсюда те многочисленные фальсификации, именуемые «галлюцинациями», и умолчания, когда на платформах ограничивают выдачу ответов, выходящих за идеологические рамки. Известны примеры российской «умной» колонки «Алиса», отказывающейся отвечать на провокационные вопросы о политике В.В. Путина, китайского чата *DeepSeek*, избегающего критики компартии и ее лидера Си Цзиньпина, и американского чата *ChatGPT*, удаляющего «неполиткорректные» выражения при цитировании классиков литературы.

Во-вторых, платформы с генеративным ИИ, несмотря на обучение нейросетей на больших объемах данных, выдают решения на уровне среднестатистических, стереотипных для современного общества. Эффективность моделей зависит от доступа к резервуарам данных, а этот доступ часто закрыт по коммерческим или политическим соображениям. Открытые же базы данных оказываются наполненными гигантскими объемами многократно повторяемых и малосодержательных текстов и изображений из социальных сетей, ученических работ, графоманских произведений типа фанфиков и т. п. Алгоритмы нейросетей, связывающие элементы текстов и изображений по принципу наибольшей вероятности в том массиве, на котором нейросеть обучалась, в итоге выдают усредненный итог переработки не столько больших, сколько избыточных и мусорных данных. Дообучение генеративных моделей на специализированных, профессиональных базах данных не снимает эффект усреднения. Вместо продвинутого, инновационного решения пользователи получают имитацию наиболее приемлемого по нормам данного сообщества.

В-третьих, платформы с генеративным ИИ, несмотря на большую скорость выдачи решений, отнимают массу времени. Для того чтобы устранить из выданного продукта «галлюцинации», преодолеть стереотипность и добиться соответствия индивидуальным задачам пользователя, нужно проходить через множество итераций.

Нужно потратить время на создание и совершенствование заданий для генерации — промптов. Не номинальная, а эффективная скорость ИИ оказывается не так уж велика. Затраченное на достижение требуемого уровня качества время становится соизмеримым со временем создания того же продукта без обращения к технологии генеративного ИИ.

В настоящее время генеративные модели предлагают сложные и продвинутые алгоритмы довольно примитивных и в основном уже отсталых решений. Но фетишизация ИИ, культивируемая техногиками и технократами, передается в массы потребителей, принимающих на веру дискурс о «сверхчеловеческих» возможностях цифровых решений. Полагаясь в решении своих задач на сгенерированный контент, пользователи отчуждают свою человеческую субъективность и субъектность в цифровые платформы. Встроенные в эти платформы алгоритмы представляются пользователями как «мировой разум», однако на практике ИИ оказывается лишь *отчужденным бытием заурядного разума*.

Цифровизация и экспансия ИИ как ее новейшая модификация не преодолевают ограниченную рациональность и не решают проблемы развития общества. Но они указывают на переход к новой фазе рационализации. В середине XX в. классики критической теории Франкфуртской школы показали, что рационализация — это не просто судьба современных обществ (Вебер), а путь логики господства к инструментальной рациональности и далее к технологической рациональности. В классической критической теории Франкфуртской школы рациональность в ее актуальной модификации — это фундаментальная и интегральная характеристика общества. В XXI в. пересобирать критическую теорию общества следует на том же пути, но в новой точке: продолжив линию анализа рационализации в ее движении от инструментальной и технологической рациональностей к новой фазе — *алгоритмической рациональности*.

Понятие инструментальной рациональности Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» [Adorno, Horkheimer, 1947] было выработано в широком контексте анализа столкновения традиционной культуры, укорененной в аграрной цивилизации, с просвещением, олицетворяющим наступление индустриального общества. Рациональность, ориентированная на представление любого феномена в качестве инструмента — единичного и относительно простого объекта, используемого индивидами как орудие для продуктивной деятельности или как средство манипулирования другими людьми, не выходит за горизонт опыта крестьян, рабочих, торговцев, интеллектуалов времен раннего капитализма. Инструментальная рациональность определяла раннюю современность как становление индустриального общества, как отрицание традиционности аграрного общества. Альтернатива инструментальной рациональности конструировалась в критической теории как радикальное отрицание рациональности в форме высвобождения чувственности, естественных влечений в «Эросе и цивилизации» у Маркузе [Marcuse, 1955] или как гуманизация рациональности через свободные и нацеленные на достижение взаимопонимания дискурсивные практики в «Теории коммуникативного действия» у Хабермаса [Habermas, 1981].

Понятие технологической рациональности у Маркузе [Marcuse, 1964] обычно воспринимается как практически тождественное понятию инструментальной рациональности, но концепция Маркузе создана уже в совершенно другом социально-историческом контексте. Анализ позднеиндустриального общества массового

производства и потребления приводит к концепции рациональности, ориентированной на представление реальности как сложно организованного порядка вещей, эффективное использование которых возможно только в рамках системы коллективных действий. Технологическая рациональность — концепция, фиксирующая горизонт опыта участников массовых процессов материального и символического производства и потребления в условиях организованного капитализма. Технологическая рациональность определяет современность как становление тотально модернизированного общества, как отрицание и общинной традиционности аграрной эпохи, и индивидуальной рациональности раннекапиталистической эпохи. Альтернатива — посттехнологическая рациональность, соединяющая чувственность/телесность и разум, — выводилась в «Одномерном человеке» Маркузе из практик контркультуры, меньшинств, борющихся за право на автономный образ жизни, молодежных бунтов, антиколониалистских движений середины XX в.

В контексте продвинутого постиндустриального общества критической теории требуется переход от концепции технологической рациональности к новому представлению о логике господства, поскольку ожидавшаяся посттехнологическая рациональность больше не является альтернативой системе и воплощается в новых формах социального контроля — в комфортабельной несвободе. Потенциал эмансипации полвека назад виделся в маргинальных сообществах, исключаемых из одномерного общества, — контркультуре хиппи, молодежных движениях, разного рода меньшинствах, населении стран «третьего мира» [Маркузе, 1964]. К началу XXI в. антисистемность и асоциальность альтернативных движений того времени была абсорбирована, апроприирована и превращена в нормативную основу репрессивной многомерности постиндустриального общества с характерными для него формами социального контроля: структурами ответственного потребления, позитивной дискриминации, мультикультурализма и толерантности. Эти новые формы социального контроля выросли из апроприации корпорациями и государственной бюрократией практик антисистемных движений. Новые левые, новые социальные движения (экологические, правозащитные, студенческие, пацифистские, феминистские и т. п.), неомарксизм, включая Франкфуртскую школу, теперь стали социально и политически старыми. Практики и идеи эмансипаторов старшего поколения консервативны и аффирмативны по отношению к системе репрессивной многомерности и дополняющего ее теперь режима тотальной и принудительной виртуализации/цифровизации социальной жизни. Особенно зримо этот консерватизм и лояльность по отношению к подавлению прав и свобод проявились в период ковидной паники, когда именно леволиберальные партии и общественные деятели активно продвигали и поддерживали неадекватные и неэффективные санитарные и карантинные меры, выведшие принудительную виртуализацию и господство посредством цифровых платформ на ощутимо более высокий уровень.

Логику господства посредством цифровых платформ можно определить как алгоритмическую рациональность. *Алгоритмическая рациональность* является схемой восприятия реальности как динамичной и гибридной совокупности объектов, успешное обращение с которыми предстает как выстраивание сети отношений между ними в соответствии с программой, задающей последовательность решения стандартных задач. Субъектность распределена между множеством объектов, оказывающихся узлами сетевой структуры, действия и значения становятся интеробъ-

ективными эффектами связей, непрерывно возникающих и исчезающих в потоке простых бинарных решений «включить/выключить». Именно эта форма рациональности сейчас отражает и формирует опыт подавляющего большинства производителей и потребителей, менеджеров и клиентов в условиях постиндустриального капитализма сетей и потоков. Алгоритмическая рациональность определяет современность как становление постиндустриального и постмодернистского общества, как отрицание рациональности классического модерна, которая воплощалась в объективных системах и в intersубъективных значениях.

Алгоритмическая рациональность и в повседневных практиках, и в академических дискурсах фетишизирует «сетевые решения» и «нечеловеков», приписывая объектам, в особенности техническим и цифровым, творческую силу и активную роль в созидании новой социальности [Castells, 1996; Latour, 2005; Пеннер, 2025]. Актуальная критическая теория должна быть построена на критике притязаний алгоритмической рациональности быть трансцендентальным субъектом (пост)современности. Критика разнообразных форм несправедливости, неравенств, дегуманизации, подавления свобод, в общем, всего того, на что распадается сейчас предметное поле критического теоретизирования, должна выводиться из этой интегральной характеристики современности.

Игра в имитацию не по Тьюрингу: в чем сила, Chat?

В тени господствующего менеджериально-бюрократического дискурса цифровизации существует социальная критика цифровых технологий, которая разоблачает их неэффективность. В этой социальной критике можно выделить три мотива, приближающихся к идее критической теории, в которой суть процесса предстает как замещение коммуникативной рациональности алгоритмической рациональностью, отчуждение субъективности и субъектности людей.

Во-первых, экспансия цифровых технологий, оправдываемая высвобождением труда в результате автоматизации производственных процессов, приводит к росту неучитываемых и некомпенсируемых трудозатрат пользователей, которые создают контент, привлекающий внимание и используемый цифровыми платформами в их схемах монетизации.

Во-вторых, сетевые платформы, организуя выдачу данных в соответствии с моделируемыми по их персональным цифровым следам предпочтениями и решениями, не просто имитируют работу индивидов с информацией. Они ограничивают информационный и коммуникативный горизонт, препятствуют выбору и действиям, отклоняющимся от навязанных разработчиками и администраторами платформ схем. Многообразные дроны, боты, нейросети также редуцируют интеллектуальные усилия и творческий процесс к быстрому подбору простого решения из доступной массы шаблонов, организуемых на социокультурном уровне не выше достигнутого массой средних программистов и менеджеров.

В-третьих, вопреки технократическому энтузиазму, программируемые автоматизмы не высвобождают ресурсы, а увеличивают их расходование, повышают трудозатраты, тормозят социальное развитие. Каналы коммуникаций заполняются малосодержательным контентом, генерируемым с помощью нейросетей и получившим название «слоп». Слоп — это цифровой хлам в социальных сетях, который за-

медляет коммуникацию и отнимает время не меньше, чем появившийся четверть века назад спам в сервисах электронной почты. Энергопотребление в странах, развивающих технологии ИИ, быстро нарастает за счет развертывания дата-центров — необходимой инфраструктуры для работы нейросетевых моделей. Углеродный и кремниевое-редкоземельный следы цифровых индустрий огромны [Patsavellas, Salonitis, 2019; Sharma, Dash, 2022].

Критическая теория, в отличие от социальной критики цифровых технологий, должна выявлять не просто негативные следствия и побочные эффекты восторженного увлечения «сетевыми решениями» и «нечеловеками», а сущностную основу — отчужденное бытие заурядного разума. Фетишизация ИИ от технологов и технократов, продвигающих нейросетевые решения в качестве «сверхума», передается в массы потребителей, которые «приземляют» эти технологии, используя их для создания суррогатов своих обыденных практик. Данные массовых опросов об обращении пользователей к ИИ показывают, что генеративные нейросети быстро стали рутиной для большинства и при этом не совершили никакого социально значимого переворота в интеллектуальном производстве.

В 2024 г., по данным опроса ВЦИОМ, общались с голосовым помощником, то есть с «умной колонкой», 31% респондентов, получали ответы на инфозапросы от нейросетей 31%, генерировали контент с помощью нейросетей 14%, а не использовали ИИ ни в каких формах 33% [ВЦИОМ, 2024]. В 2025 г. больше половины респондентов (51%) ответили в опросе ВЦИОМ, что пользовались нейросетями [ВЦИОМ, 2025]. В качестве целей пользования нейросетями они назвали поиск и упорядочение информации (63%), генерирование текстов, изображений и пр. (38%), аналитику данных (36%), выполнение учебных заданий (22%). Однако эти ответы подразумевают в основном включение ИИ в развлекательные и образовательные коммуникации, вариант ответа об использовании ИИ непосредственно для «рабочих задач» набрал лишь 1% (!).

Результаты опросов, пусть и косвенно, подтверждают факт низкой эффективности ИИ при решении реальных задач. Генеративные нейросети демонстрируют свою эффективность только в производстве симулякров — копий без оригинала, которыми оказываются тексты, изображения, видео, ценимые пользователями за «ошеломляющую» правдоподобность. Полученные как рекомбинации бесконечного числа элементов (токенов), извлекаемых из резервуаров больших данных, эти симулякры в принципе не могут нести в себе инновационное содержание и оригинальные решения.

Для проверки гипотезы о низкой эффективности ИИ в решении задач создания нового знания нами был проведен простой эксперимент. Пять нейросетей, наиболее популярных у пользователей, 22 февраля 2026 г. были проверены на способность сгенерировать научно значимый текст по социологии. В чаты нейросетей *ChatGPT*, *DeepSeek*, *Grok*, *YandexGPT*, *GigaChat* был введен следующий промпт:

Выполни исследование.

Роль: социолог, готовящий научный доклад для конференции по проблемам общественного развития.

Контекст: в социологии на рубеже XX–XXI вв. ведутся дискуссии о влиянии цифровых технологий на упадок традиционных социальных институтов и на развитие новых социальных структур.

Задача: напиши социологическое эссе на 2 страницы (объем текста не более 3 500 знаков) на тему общих изменений социальных структур при внедрении технологий искусственного интеллекта со ссылками на 3–4 эмпирических исследования, проведенных российскими учеными в 2025–2027 гг.

Результаты эксперимента показали, что ни одна из топовых нейросетей не справилась с этим простым заданием.

Нейросеть *ChatGPT* сгенерировала лучше всего структурированный текст, он соответствовал теме, но содержал сфальсифицированные данные о никогда не существовавших исследованиях, в том числе из фантастического будущего, и ссылки на фейковые источники. Для лучшего понимания того, что искусственный интеллект больше искусственный, чем интеллект, приведем цитату из сгенерированного «эссе»:

В частности, в ходе эмпирического исследования, проведенного в 2027 г. Московским институтом социального анализа, было выяснено, что искусственный интеллект значительно изменяет роль и функцию семьи в социальной жизни. В семьях, где члены стали активными пользователями технологий ИИ, наблюдается уменьшение межпоколенческих взаимодействий, поскольку старшее поколение не всегда успевает за новыми технологическими изменениями.

Требование использовать 3–4 источника данных было выполнено, но задание по объему текста провалено катастрофически, «эссе» оказалось больше требуемого объема на 2 000 знаков. При таких огрехах нейросеть *ChatGPT* не может быть надежным инструментом не только для профессиональных социологов-исследователей, но и для начинающих академическую карьеру студентов.

Нейросеть *GigaChat* сгенерировала «эссе», в котором заданная тема редуцирована к стереотипным сюжетам «цифровизации», а текст выглядит как набор не связанных между собой и не привязанных ни к каким реальным данным утверждений. Требование опираться на 3–4 источника выполнено, но все три ссылки фейковые. Задание по объему провалено: вместо двух страниц получилось меньше полутора. О практически нулевом уровне достоверности и обоснованности сгенерированного текста можно сделать вывод по такой цитате:

Работа Д.А. Сергеева (Сергеев, 2027) подчеркивает важность непрерывного образования и адаптации образовательных стандартов к новым условиям труда. Искусственный интеллект помогает оптимизировать учебный процесс, создавая персонализированные траектории обучения, однако возникает проблема цифрового разрыва среди разных слоев населения.

Нейросеть *YandexGPT* сгенерировала текст, удовлетворительный по объему и частично соответствующий теме из промпта, но содержащий все те же стереотипные тезисы о балансе выгод и издержек при внедрении ИИ. Эмпирические данные полностью сфабрикованы, представлены фейковые источники, библиографически оформленные ссылки не даны. Симптоматичная цитата:

Исследование СПбГУ (2027). Фокус — образовательные стратегии молодежи. Среди студентов 62% считают необходимым изучать ИИ-технологии для карьеры, а 29% уже используют ИИ-инструменты для учебы. Однако 44% отмечают снижение способности к концентрации из-за постоянной работы с алгоритмами.

Нейросеть *DeepSeek* сгенерировала текст, в котором тема изменения социальных структур сводится к трансформации институтов, но вместо их анализа дается набор разрозненных фрагментов об «иной социальности» и «сверхдоверии» к ИИ в быту, учебе, профессиональной деятельности. В отличие от первых трех нейросетей, *DeepSeek* дает достоверные ссылки на реально существующие исследования, хотя и не справляется с ограничением по их числу, представив 10 вместо 3–4. При этом нейросеть все равно попадает в расставленную в промпте ловушку — требование дать данные из будущего (2027 г.). Вот характерная цитата:

Возникает структура, основанная на сложной иерархии доверия, когнитивной зависимости и алгоритмической сегментации. Российские исследования 2025–2027 гг. фиксируют переход от восторженного технооптимизма к формированию механизмов социальной рефлексии и адаптации, которые и станут определяющими для облика общества ближайшего будущего.

Нейросеть *Grok* сгенерировала текст, который единственный из пяти не попал в «ловушку 2027 года», однако и это «эссе» изобилует тезисами, не подтвержденными реальными данными. Избыточный список источников из 50 (!) ссылок содержит в основном реальные источники, которые можно найти в интернете, фейковых источников совсем немного, но остальные — это мусорные источники с текстами низкого качества. К тому же этим реальным текстам приписываются отсутствующие в них утверждения. Примером может служить такая цитата:

ИИ активно перестраивает «институт социального обеспечения». Городнова (2025) в анализе практики применения ИИ в системах назначения пособий и пенсий в регионах России приходит к выводу, что автоматизация принятия решений повышает скорость и снижает субъективные ошибки на 30–60%, однако одновременно усиливает ощущение «дегуманизации» у получателей услуг. Это создает новую форму отчуждения между гражданином и государственным институтом.

На самом деле ссылка идет на обзорную статью со вторичным анализом данных, в которой ни о «практике применения ИИ», ни об исследовании этой «практики» нет ни слова, и тезиса об «отчуждении» тоже нет.

Общий вывод по проведенному эксперименту с пятью нейросетями таков: генеративный ИИ годится только для имитации решения исследовательских задач и только на уровне «начинающих профессионалов». Неспособность выполнить элементарные требования по тематике, структуре, объему текста коренится в зависимости нейросетевых моделей от резервуаров данных, насыщенных мусорными источниками. Неспособность же получить новые и достоверные результаты укоренена в фундаментальных принципах развития технологий ИИ. Незнание этих принципов ведет к фетишизации ИИ-инструментов большинством людей, которые наивно верят, что продукт, полученный как рекомбинация гигантского числа старых эле-

ментов, может быть принципиально инновационным. Знание этих принципов, но не их понимание, ведет к другой разновидности фетишизма: меньшинство тех, кто профессионально работает с ИИ, становятся циничными профи, умеющими с помощью ИИ-инструментов манипулировать попавшими в зависимость от них профанами. Но сами профи, бесконечно обещающие наступление эры «сверхчеловеческого» интеллекта, оказываются попавшими в зависимость от алгоритмической рациональности.

Отчуждение и фетишизация укоренены в имитационной концепции ИИ, которая положена в основу этого рода технологий еще в середине прошлого века прародителем современной информатики и компьютерной техники Аланом Тьюрингом. Знаменитый тест Тьюринга, предложенный в 1950 г., «машинное мышление» отождествляет с имитацией коммуникации — обмена вопросами и ответами, по итогам которого человек не сможет определить, дает ответы другой человек или машина [Информационное общество, 2004, с. 224–226]. Тьюринг прогнозировал, что к 2000 г. будут созданы машины, имитирующие ответы человека так, что вероятность их «разоблачения» будет не выше 70% [Информационное общество, 2004, с. 242]. Главной технической проблемой на пути создания машин для успешной «игры в имитацию» Тьюринг считал недостаточный объем машинной памяти. Таким образом, не создание «сверхчеловеческого» интеллектуального продукта, а имитация среднестатистического собеседника — это исходная ориентация в развитии технологий ИИ.

Успехи в направлении, заданном Тьюрингом, побуждают экспертов в области машинного обучения регулярно обещать скорое появление «сильного» ИИ как «суперинтеллекта», превосходящего лучших представителей человеческого разума в любой области. Шведский философ-визионер Ник Бостром в 1997 г. прогнозировал достижение уровня эквивалентности человеческого и машинного интеллектов к 2025 г. [Информационное общество, 2004, с. 313, 325, 337]. Бостром главной проблемой на пути к созданию суперинтеллекта видел уже не ограниченный объем памяти, а недостаточное быстроедействие, нехватку вычислительной мощности.

Новые обещания ближе к середине XXI в. стали модными на волне распространения нейросетей. Глава компании *OpenAI*, создавшей *ChatGPT*, Сэм Альтман сначала заявил, что «генеральный» ИИ уже в 2025 г. приведет к появлению агентов — части рабочей силы, материально меняющей производство [Altman, 2025], а затем пообещал «суперинтеллект», превосходящий ученых и топ-менеджеров к концу 2028 г. [Fortune, 2026].

Вычислительные мощности и объемы памяти за три четверти столетия выросли экспоненциально. Нейросети — языковые и диффузионные модели — множатся и совершенствуются. Но обещанного результата — «суперинтеллекта» — как не было, так и нет. С помощью технологий ИИ можно успешно ввести в заблуждение среднестатистического человека, что стало основной целью с подачи Тьюринга и реализуется разработчиками и пользователями популярных онлайн-сервисов на базе нейросетей. Но невозможно успешно заменить рабочую силу, ученых и топ-менеджеров ИИ-агентами, генерирующими фотографии людей с лишними пальцами, псевдонаучные статьи с фальшивыми данными и ссылками, презентации несуществующих продуктов. Проблема ИИ в том, что алгоритмическая рациональность, нацеленная на быстроедействие и работу с большими массивами данных, может схе-

матизировать, упрощать, тиражировать, ускорять привычные процессы. Но ИИ не может создавать принципиально новое, оригинальное, уникальное. ИИ способен делать лишь то, что в него заложил Тьюринг, а именно массово воспроизводить заурядность разума того человека, который не способен распознать машину в «игре в имитацию».

Нейросети не создают интеллектуальный продукт, превышающий творческий уровень людей. Поэтому «игра в имитацию» Тьюринга может вестись и с обратными целями. Ярким подтверждением этого стал в 2025 г. скандал вокруг нейросети «Наташа» от компании *Builder.AI*. Этот стартап собрал большие деньги инвесторов, представляя в качестве перспективного продукта чат, в котором пользователям предлагалось сгенерировать программу-приложение. Чат оказался не продвинутой нейросетевой моделью, а интерфейсом для 700 индийских программистов, успешно выполнявших работу вместо ИИ [*The New York Times*, 2025]. Такова диалектика концепции Тьюринга: когда человеческий интеллект принимает отчужденную форму искусственного, человек не может распознать ни машину, ни другого человека, а отчужденный интеллект превращается в свою полную противоположность и не в состоянии распознать самого себя. ИИ, созданный в соответствии с имитационной концепцией, проигрывает в обратной «игре в имитацию».

Для подтверждения тезиса о слабости имитационной концепции ИИ нами был проведен эксперимент, обратный тесту Тьюринга. Пять нейросетей, наиболее популярных у пользователей, 23 февраля 2026 г. были проверены на способность определить, какой текст создан человеком, а какой сгенерирован нейросетью. В чаты нейросетей *ChatGPT*, *DeepSeek*, *Grok*, *YandexGPT*, *GigaChat* загружались фрагмент текста из второй части данной статьи и те эссе, что были сгенерированы этими же нейросетями в ходе описанного выше эксперимента. После загрузки каждого текста вводился следующий промпт: *Скажи, этот текст создан человеком или нейросетью?* В случае получения ответа, что текст сгенерирован, вводился второй промпт: *Какой из пяти нейросетей сгенерирован этот текст? ChatGPT, YandexGPT, GigaChat, Grok или DeepSeek?*

Результаты эксперимента (табл. 1) показывают, что все пять нейросетей верно распознали авторство в оригинальном тексте, написанном человеком, хотя и сгенерировали пространственные комментарии с оговорками, допускающими двоякое толкование. Однако этот результат нельзя считать успешным прохождением теста. Если текст, характеризуемый в сгенерированных комментариях как «резкий», «полемичный», «оригинальный», машина Тьюринга относительно легко выделяет, поскольку он явно выпадает из рамок алгоритмической рациональности, то с распознаванием собственных продуктов эта машина справляется плохо. Из 25 тестовых ситуаций, когда нейросеть должна была идентифицировать сгенерированный текст, в десяти случаях авторство было ошибочно приписано человеку и в трех случаях было многословное уклонение от определенного ответа.

Меньше чем в половине случаев (в 12 из 25) нейросети квалифицировали текст как продукт ИИ. И даже при условии отнесения текста к сгенерированным нейросетями ни одна модель не смогла четко идентифицировать ни конкурентов, ни даже самое себя (!). Лишь в одном случае нейросеть верно «угадала» собственный продукт. Но это скорее результат совпадения, поскольку нейросеть *ChatGPT* и продукты других нейросетей — *YandexGPT* и *GigaChat* — «опознавала» как свои.

Табл. 1. Результаты эксперимента «Обратный тест Тьюринга»

Table 1. The results of “The reverse Turing test” experiment

Источник Нейросеть	ChatGPT	DeepSeek	YandexGPT	GigaChat	Grok	Человек
Chat GPT	(+) ChatGPT ¹	(+) Неопознанная нейросеть	(+) ChatGPT	(+) ChatGPT	(0) Уход от ответа	(+) Человек
DeepSeek	(-) Человек	(-) Человек	(+) ChatGPT	(+) YandexGPT	(-) Человек	(+) Человек
YandexGPT	(+) Неопознанная нейросеть	(0) Уход от ответа	(+) GigaChat	(+) ChatGPT / DeepSeek	(+) DeepSeek	(+) Человек
GigaChat	(-) Человек	(0) Уход от ответа	(-) Человек	(-) Человек	(-) Человек	(+) Человек
Grok	(+) GigaChat	(-) Человек	(-) Человек	(+) YandexGPT	(-) Человек	(+) Человек

(+) — верный выбор

(-) — неверный выбор

(0) — уклонение от выбора

Общий вывод по двум экспериментам с популярными нейросетями: созданные на основе имитационной концепции Тьюринга модели плохо справляются с элементарными задачами. Сгенерированные «человекоподобные» интеллектуальные продукты явно пригодны для развлечения и ограниченно — для обучения. Для решения реальных задач использовать нейросети рискованно. Энтузиасты развития технологий ИИ настаивают, что нейросети вскоре приведут нас к «сверхразуму», а дефекты, включая фальсификации, именуемые «галлюцинациями», не оказывают существенного влияния. Но обещаниям такого рода уже больше полувека, и есть все основания полагать, что имитационная концепция искусственного интеллекта (Тьюринг), изначально нацеленная на создание «человекоподобных» интеллектуальных продуктов, в принципе заводит развитие технологий ИИ в тупик.

Выдающийся вклад Тьюринга в создание архитектуры вычислительных машин и его непреднамеренная роль в экспансии алгоритмической рациональности делают его исторической фигурой мирового масштаба. Но для развития информационных технологий в середине XXI в. в соответствии с тенденциями развития общества нужен новый подход на основе диалектического отрицания «игры в имитацию», нужна антитьюринговская концепция, выходящая за рамки алгоритмической рациональности.

Решением проблемы могли бы стать стихийно складывающиеся практики развития вместо искусственного интеллекта — AI (Artificial Intelligence) друго-

¹ Единственный случай верного распознавания нейросети. Но следует учитывать, что на первый вопрос был дан не вполне определенный ответ, и только снисходительное отношение экспериментаторов, давших шанс ответить на второй вопрос и выбрать из пяти конкретных нейросетей, позволило *ChatGPT* справиться с тестом.

го AI — обогащенного, или дополненного, интеллекта (Augmented Intelligence), в построении и функционировании которого напрямую участвуют креативные пользователи. Сейчас чаты и агенты ИИ, заикленные на алгоритмах и данных, принадлежащих цифровым платформам и метавселенным, приходится с большим трудом и большими затратами времени направлять к выработке решений, нужных реальным пользователям. Аутичность «человекоподобного» ИИ преодолевается при условии перехода к малым, самодельным решениям вместо стандартизированных платформенных.

Создание такого рода человекообразных цифровых технологий сейчас входит в противоречие с господствующей алгоритмической рациональностью, выражением которой являются и технократическая фетишизация цифровых платформ, и апроприация государством и корпорациями рутинных практик виртуализации социальных процессов, и отчуждение субъективности и субъектности в «человекоподобный» ИИ, в чьих алгоритмах и интерфейсах проявляет себя не «сверхразум», а ограниченная рациональность и горизонт культурного опыта разработчиков. Получение новых и оригинальных решений, дающих шанс на развитие и технологий, и общества, может дать только нарушение алгоритмической рациональности. Например, по-настоящему нешаблонные и нерутинные образы и идеи сейчас появляются только как результат нарушения той развесовки вероятностей при соединении токенов в нейросети, которая была получена с затратой огромных ресурсов при создании и обучении. Когда-то создание сетевых и потоковых структур было освобождением от рутины больших институтов и малых групп. Теперь свободу и развитие может дать выход из сетевой и потоковой логики социальной жизни. Креативные и потенциально продуктивные мутации, вступающие в конфликт с господствующей рациональностью, потом обязательно будут поглощены и «одомашнены» социальными структурами. Но это будет потом, а сейчас источником социального развития может быть только сопротивление логике господства, бунт против алгоритмической рациональности.

Заключение: борьба за аутентичность и перспектива интегральной критической теории

Проведенный нами критический анализ феномена ИИ — это не просто еще один частный случай применения нео- и постмарксистской методологии, создающий еще одно ответвление в русле критической теории. Кейс ИИ — показательный. Здесь наиболее отчетливо проявляет себя всюду доминирующая алгоритмическая рациональность, и здесь открывается перспектива альтернативной рациональности, дающей шанс на сопротивление отчуждению и господству отчужденных форм социальной жизни. Сопротивление господству алгоритмической рациональности распадается на множество микробунтов и микродвижений немногочисленных маргиналов, практикующих «малые исходы»: молодые обитатели метрополий дополненной современности сбегает в наполненность реальной жизни от гнета цифровой архаики; мигранты — из зон истощенной современности в очаги дополненной социальности; релоканты — от неэффективной рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков. В этой череде выделяются саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, намеренно отстающие от заданных ими

ритмов или, напротив, опережающие их. Трудная свобода, достигаемая только в движении, приводит этих аутсайдеров к аритмичному бытию вместо комфортабельной несвободы, обеспечиваемой удобными инструментами и легкодоступными решениями в рамках алгоритмической рациональности.

Бунт против виртуальности отчужденного бытия, против тотальной цифровой социализации, против алгоритмической рациональности нацелен на достижение аутентичности как подлинности и самобытности. Это стремление с точки зрения господствующей рациональности иррационально. Критерии алгоритмической рациональности — быстроедействие, ресурсоемкость, устойчивость для сетевой структуры. По этим критериям не вполне рациональны и прежде господствовавшие типы рациональности — инструментальная рациональность с ее критериями целесообразности, продуктивности, удобства для индивида или технологическая рациональность с ее критериями функциональности, эффективности, воспроизводимости для системы. Критическая теория сегодня может и должна перевернуть эту логику господства. И тогда иррациональный бунт тех, кто ежедневно сталкивается с перепроизводством виртуальности и давлением алгоритмов, становится рациональной борьбой за аутентичность. Аутентичность же становится главным критерием той рациональности, которая создает альтернативу логике господства и которая актуализирует реконструкцию ранее выдвигавшихся оснований для критического анализа современности: от материальной рациональности у Вебера [Weber, 1980] и объективного разума у Хоркхаймера [Horkheimer, 1947] до посттехнологической рациональности у Маркузе [Marcuse, 1964].

Аутентичность — это общая проблема и ценность, способная создавать солидарности поверх классовых, этнокультурных и идеологических различий. В условиях постглобализации и поствиртуализации многомерное общество репрессивной толерантности и принудительной инклюзивности провоцирует обострение конфликтов и конфронтаций в новых, непривычных конфигурациях. Поэтому актуальна не односторонняя критика в нео- или постмарксистском духе, а интегральная критическая теория, рассматривающая диалектику современности как общий источник сопротивления отчуждению и борьбы за социальную справедливость, а противостояние контролю и господству как источник и перспективу развития новых социальных структур.

Неотчужденность как аутентичность уже выдвигалась в качестве интегральной идеи для разных форм сопротивления, борьбы, активизма в условиях постиндустриального капитализма [Boltanski, Chiapello, 1999; Иванов, Асочаков, 2023]. Аутентичность — это то, что пытаются отстаивать и критически осмысливающие мировые проблемы интеллектуалы, и решающие свои повседневные проблемы обыватели, и леволиберальные активисты, и правоконсервативные популисты, и идеологи на глобальном Юге и Востоке, борющиеся за многополярность, и технократы на глобальном Севере и Западе, борющиеся за «открытость» и «прозрачность». Для одних аутентичность — это, в первую очередь, свободная идентичность, самобытность, противопоставляемые угнетению, колонизации. Для других — подлинность, натуральность, спонтанность, противопоставляемые фейкам, искусственности, алгоритмизации. Для третьих — историчность, укорененность и суверенность, противопоставляемые фальсификациям, чужеродности, зависимости. Для четвертых — инновационность и оригинальность, противопоставляемые имитациям и заимствованиям.

Борьба за определение аутентичности и за ее воплощение в жизнь задает общественно-политическую *метаповестку*, диктуемую противоречивостью процессов постглобализации и поствиртуализации. Стремление к аутентичности становится общим ответом в контексте диалектики дополненной и истощенной современности и может стать фундаментальным драйвером социального развития в середине XXI в. Критическая теория и теоретическая социология в целом, чтобы быть актуальными, должны развиваться в русле этой метаповестки аутентичности.

Литература

ВЦИОМ. ИИ: ваш новый лучший друг? Дата публикации: 03.12.2024. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (дата обращения: 22.02.2026).

ВЦИОМ. Пользование интернетом. 2026. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 22.02.2026).

ВЦИОМ. Нейросети: инструмент, а не магия. 2025. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-ne-magija> (дата обращения: 22.02.2026).

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250024389-0.

Информационное общество. СПб.; М.: АСТ, 2004. 507 с.

Немецкая социология / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003. 561 с.

Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22.07.2000. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 22.02.2026).

Пеннер Р.В. Алгоритмическая рациональность: во зло или во благо? // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 31–38. DOI: 10.7868/S3034601025100035.

Указ о национальных целях развития России до 2030 года от 21 июля 2020 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 22.02.2026).

Adorno T. et al. Authoritarian Personality. New York: Harper & Brothers, 1950. 600 p.

Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag, 1947. 275 S.

Altman S. Reflections. Published: 06.01.2025. Available at: <https://blog.samaltman.com/reflections> (date accessed: 22.02.2026).

Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. London: Sage, 1990. P. 295–310.

Batler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990. 272 p.

Baudrillard J. Pour une critique de l'économie politique du signe. Paris: Gallimard, 1972. 268 p.

Best S., Kellner D. The Postmodern Turn (Critical Perspectives). New York: The Guilford Press, 1997. 306 p.

Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. Paris: Gallimard, 1999. 843 p.

Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1997. 541 S.

Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 556 p.

Castells M. Toward a Sociology of the Network Society // Contemporary Sociology. 2000. Vol. 29. No. 5. P. 693–699.

Delgado R., Stefancic J. Critical Race Theory: An Introduction. New York: New York University Press, 2001. 167 p.

Fortune. Sam Altman Says Not Even the CEO's Job Is Safe from AI as It Will Soon Perform the Work Better than 'Certainly Me'. February 19, 2026. Available at: <https://fortune.com/2026/02/19/sam-altman-openai-ceo-ai-white-collar-jobs-ceo-executives/> (date accessed: 22.02.2026).

- Foucault M.* Histoire de la sexualité. I. La Volonté de savoir. Paris: Gallimard, 1976. 168 p.
- Fraser N.* Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. 201 p.
- Fuchs C.* Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. London: University of Westminster Press, 2016. 230 p.
- Hassan R.* The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. London: University of Westminster Press, 2020. 212 p.
- Habermas J.* Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1968. 364 p.
- Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981. 1165 S.
- Honneth A.* The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge: Polity Press, 1995. 215 p.
- Horkheimer M.* Eclipse of Reason. Oxford: Oxford University Press, 1947. 187 p.
- Horkheimer M.* Traditionelle und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Bd. 6. H. 2. S. 245–294.
- How This A.I. Company Collapsed Amid Silicon Valley's Biggest Boom // The New York Times. 2025. August 31. Available at: <https://www.nytimes.com/2025/08/31/technology/builder-ai-collapse.html> (date accessed: 22.02.2026).
- Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 312 p.
- Lyotard J.-F.* La condition postmoderne. Paris: Minuit, 1979. 180 p.
- Marcuse H.* Philosophie und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Bd. 6. H. 3. S. 625–647.
- Marcuse H.* Reason and Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1941. 431 p.
- Marcuse H.* One-Dimensional Man. Boston: Beacon, 1964. 260 p.
- Patsavellas J., Salonitis K.* The Carbon Footprint of Manufacturing Digitalization: Critical Literature Review and Future Research Agenda // Procedia CIRP. 2019. No. 81. 1354–1359. DOI: 10.1016/j.procir.2019.04.026.
- Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAGE Publications, 1992. 224 p.
- Sharma P., Dash B.* The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future // International Journal of Computer Science and Information Technology. 2022. Vol. 14. No. 3. P. 19–29. DOI: 10.5121/ijcsit.2022.14302.
- Simon H.* Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. Second ed. New York: Macmillan, 1957. 364 p.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr, 1980. 840 S.
- World Bank. Individuals Using the Internet. 2025. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (date accessed: 22.02.2026).

Critical Theory in the World of Algorithmic Rationality

DMITRY V. IVANOV

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: dvi1967@gmail.com

KSENIYA P. GULKINA

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: c0067@yandex.ru

This article presents the concept of developing a critical theory in relation to the conditions of modern society, which is experiencing post-globalization and post-virtualization processes. In order to reveal the contradictions of the Modernity and the direction of social changes, it is proposed to develop an integral critical theory of society as a continuation of the dialectical line in the evolution of the neo-Marxism of the Frankfurt School. The totality of the structures of domination and new forms of social control in post-industrial society is analyzed with use of the concept of algorithmic rationality, which replaces the technological rationality of the late-industrial era. The article provides a critical analysis of the digitalization and development of artificial intelligence technologies, which embody algorithmic rationality as a logic of domination and cause the alienation of human subjectivity and agency. As a potential for emancipation and escape from the control of algorithmic rationality, trends and micro-movements in everyday life are presented as a revolt of authenticity against the virtuality and artificiality of social life.

Keywords: critical theory, digitalization, artificial intelligence, algorithmic rationality, alienation, authenticity.

Acknowledgement

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 24-18-00261.

References

- Adorno, T. et al. (1950). *Authoritarian Personality*, New York: Harper & Brothers.
- Adorno, T., Horkheimer, M. (1947). *Dialektik der Aufklärung*, Amsterdam: Querido Verlag (in German).
- Altman S. (2025). *Reflections*. Published 06.01.2025. Available at: <https://blog.samaltman.com/reflections> (date accessed: 22.02.2026).
- Appadurai, A. (1990). Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy, in *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity* (pp. 295–310), London: Sage.
- Batler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, New York: Routledge.

- Baudrillard, J. (1972). *Pour une critique de l'économie politique du signe*, Paris: Gallimard (in French).
- Best, S., Kellner, D. (1997). *The Postmodern Turn (Critical Perspectives)*, New York: The Guilford Press.
- Boltanski, L., Chiapello, E. (1999). *Le nouvel esprit du capitalisme*, Paris: Gallimard (in French).
- Bühl, A. (1997). *Die virtuelle Gesellschaft*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften (in German).
- Castells, M. (1996). *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. I, Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Castells, M. (2000). Toward a Sociology of the Network Society, *Contemporary Sociology*, 29 (5), 693–699.
- Delgado, R., Stefancic, J. (2001). *Critical Race Theory: An Introduction*, New York: New York University Press.
- Fortune (2026). *Sam Altman Says Not Even the CEO's Job Is Safe from AI as It Will Soon Perform the Work Better Than 'Certainly Me'*. Published on February 19. Available at: <https://fortune.com/2026/02/19/sam-altman-openai-ceo-ai-white-collar-jobs-ceo-executives/> (date accessed: 22.02.2026).
- Foucault, M. (1976). *Histoire de la sexualité, I: La Volonté de savoir*, Paris: Gallimard (in French).
- Fraser, N. (1989). *Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Fuchs, C. (2016). *Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*, London: University of Westminster Press.
- Hassan, R. (2020). *The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*, London: University of Westminster Press.
- Habermas, J. (1968). *Erkenntnis und Interesse*, Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).
- Habermas, J. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns*, Bd. 1, 2, Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Honneth, A. (1995). *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*, Cambridge: Polity Press.
- Horkheimer, M. (1947). *Eclipse of Reason*, Oxford: Oxford University Press.
- Horkheimer, M. (1937). Traditionelle und kritische Theorie, *Zeitschrift für Sozialforschung*, 6 (2), 245–294.
- How (2025) This A.I. Company Collapsed Amid Silicon Valley's Biggest Boom, *The New York Times*, August 31. Available at: <https://www.nytimes.com/2025/08/31/technology/builder-ai-collapse.html> (date accessed: 22.02.2026).
- Informatsionnoye (2004) *obschestvo* [Informational society], S.-Peterburg; Moskva: Izdatelstvo AST (in Russian).
- Ivanov, D., Asochakov, Yu. (2023). Tsifrovizatsiya i kriticheskaya teoriya obshchestva [Digitalization and critical theory of society], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, 16–28 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250024389-0.
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Oxford: Oxford University Press.
- Lyotard, J.-F. (1979). *La condition postmoderne*, Paris: Minuit (in French).
- Marcuse, H. (1937). Philosophie und kritische Theorie, *Zeitschrift für Sozialforschung*, 6 (3), 625–647 (in German).
- Marcuse, H. (1941). *Reason and Revolution*, Oxford: Oxford University Press.
- Marcuse, H. (1964). *One-Dimensional Man*, Boston: Beacon.
- Okinavskaya (2000) *Hartiya Global'nogo Informatsionnogo Obschestva* [Okinawa Charter on Global Information Society]. Available at: <http://www.en.kremlin.ru/supplement/3170> (date accessed: 22.02.2026).
- Patsavellas, J., Saloniitis, K. (2019). The Carbon Footprint of Manufacturing Digitalization: Critical Literature Review and Future Research Agenda, *Procedia CIRP*, no. 81, 1354–1359. DOI: 10.1016/j.procir.2019.04.026.

Penner, R.V. (2025). Algoritmicheskaya ratsional'nost': vo zlo ili vo blago? [Algorithmic rationality: for evil or for good?], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 10, 31–38 (in Russian). DOI: 10.7868/S3034601025100035.

Robertson, R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: SAGE Publications.

Shpakova, R.P. (Ed.) (2003). *Nemetskaya sotsiologia* [German sociology], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Sharma, P., Dash, B. (2022). The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future, *International Journal of Computer Science and Information Technology*, 14 (3), 19–29. DOI: 10.5121/ijcsit.2022.14302.

Simon, H. (1957). *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*, 2nd ed., New York: Macmillan.

Ukaz (2025) o natsionalnykh tselyakh razvitiya Rossii do 2030 goda [Executive Order on Russia's national development goals through 2030]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (date accessed: 22.02.2026) (in Russian).

WTsIOM (2026). *Pol'zovaniye internetom* [Internet usage]. Available at: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (date accessed: 22.02.2026) (in Russian).

WTsIOM (2024). *II: vash novyy drug?* [AI: your new friend?], published on December 12. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (date accessed: 22.02.2026) (in Russian).

WTsIOM (2025). *Neyroseti: Instrument, a ne magiya* [Neural networks: instrument and not magic]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-instrument-a-ne-magija> (date accessed: 22.02.2026) (in Russian).

Weber, M. (1980). *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: Mohr (in German).

World Bank (2025) *Individuals Using the Internet*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (date accessed: 22.02.2026).